



Комедіи Н. В. Гоголя

въ связи съ развитіемъ русской комедіи и другими его произведеніями.

Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь—вотъ имена, съ которыми неразрывно связано все лучшее и наиболѣе характерное, что представляется намъ въ нашей комедіи до второй половины XIX столѣтія! Каждое изъ этихъ именъ знаменуетъ эпоху въ развитіи не только комедіи русской, но и всей вообще русской литературы; съ каждымъ изъ нихъ у насъ соединяется своеобразное представленіе, и всѣ вмѣстѣ они служатъ показателями послѣдовательнаго роста нашего самосознанія, поскольку онъ выражается въ литературѣ, частнѣе въ комедіи.

Наша комедія съ самаго начала получила характеръ по преимуществу комедіи нравовъ, или сатиры на нравы. Интрига въ ней—дѣло второстепенное, и потому эта интрига не поражаетъ насъ своими хитросплетеніями, которыхъ такъ много, на примѣръ, въ новѣйшей комедіи. Дѣйствіе старыхъ русскихъ комедій XVIII в. вообще несложно, а въ частности любовь иногда вводится скорѣе въ силу только извѣстной литературной традиціи. Добродѣтельный молодой человѣкъ любитъ добродѣтельную дѣвицу; злые люди имъ мѣшаютъ, но любовь и добродѣтель торжествуютъ,

а порокъ посрамленъ—такова шаблонная канва для большинства пьесъ XVIII в. Но, введя эти лица для завязки и развязки пьесы, авторъ затѣмъ нерѣдко удѣляетъ имъ совсѣмъ мало вниманія, такъ что главный интересъ пьесы сосредоточивается вовсе не на трогательной исторіи двухъ любящихъ сердецъ, а на той средѣ, которая ихъ окружаетъ, и на тѣхъ разсужденіяхъ, которыя авторъ излагаетъ при семъ. Для примѣра, стоитъ вспомнить *Ябеду* Капниста, Милона и Софью Фонвизина, комедіи Екатерины II, Сумарокова и др. Эта черта сохранилась и дальше. Какъ ни смотрѣть на значеніе любви Чацкаго къ Софьѣ у Грибоѣдова, все же не здѣсь центръ тяжести пьесы, какъ равно и у Гоголя любовныя похождения Хлестакова—лишь частное дополненіе общей картины. Въ *Игрокахъ* Гоголя любви и вовсе нѣтъ. Вообще же, узелъ дѣйствія въ *Ревизорѣ* запутанъ остроумно, но просто, и герои пьесы, Хлестаковъ, съ одной стороны, городничій съ товарищами съ другой, попали въ заколдованный кругъ взаимнаго недоразумѣнія, не вслѣдствіе какого-либо особаго стеченія обстоятельствъ, а исключительно по винѣ собственной опрометчивости и своеобразнаго перетолковыванія самыхъ обыкновенныхъ явленій. „Всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы... пришли, понюхали, и пошли прочь“—очевидно, не къ добру ¹⁾. Провѣзжій „престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копейки не хочетъ платить... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянул“,—значить, ревизоръ. „Кому же бѣ быть, какъ не ему?“ ²⁾ Съ подобной проницательностью и догадливостью можно, подобно пошехонцамъ, между трехъ сосенъ заблудиться. Еще проще фабула *Женитьбы*, и только *Игроки* представляютъ нѣкотораго рода отступленіе; но *Игроки*

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 15, III, 179.

²⁾ Ibid. 187.

для творчества Гоголя не столь характерны, как *Ревизоръ* и *Женитьба*.

Незамысловатость интриги, быть можетъ, плохо отзывалась на сценичности нѣкоторыхъ изъ прежнихъ русскихъ комедій, но она съ лихвой выкупалась другими достоинствами.

Екатерина II сама признавалась въ томъ, что „не знаетъ театра“, т. е., другими словами, не умѣетъ придавать сценичность своимъ комедіямъ, запутывать интригу; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не безъ гордости прибавляла, что зато характеры въ ея комедіяхъ взяты изъ жизни, и автору извѣстенъ народъ ¹⁾, подобно тому какъ и *Живописецъ* въ особенную заслугу автору комедіи *О Время!* ставить то, что онъ „сочинилъ комедію точно въ нашихъ нравахъ... съ такимъ искусствомъ и острою заставилъ слушать ѣдкость сатиры... съ такой благородной смѣлостью напалъ на пороки, въ Россіи господствовавшіе“... Призывая его къ продолженію, *Живописецъ* намѣчаетъ ему такую задачу: „Взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія, и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось“ ²⁾. Равнымъ образомъ и Сумароковъ такъ опредѣлялъ сущность и назначеніе комедіи:

Свойство комедіи—издѣвкой править нравъ:

Смѣшить и пользоваться прямой ея уставъ.

¹⁾ Письмо къ Вольтеру ^{6/17} окт. 1772 г. „Здѣсь судятъ, что хотя безымянный сочинитель сихъ новыхъ російскихъ комедій и открываетъ свои дарованія, однако имѣетъ великія погрѣшности, что онъ не знаетъ театра и что его завязки слабы; но что касается до изображенныхъ имъ характеровъ, то они всегда выдержаны и отъ предстоящихъ предъ глазами его примѣровъ нисколько не удаляются... что нравоученіе его чисто и что онъ въ познаніи одноземцевъ своихъ силенъ“. Переписка, ч. II, 1802 г., 129—130. Ср. Грота „Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ“, 252—253, 256.

²⁾ *Живописецъ*, ч. I, по изд. Суворина, стр. 3—4.

Представь бездушнаго подъячаго въ приказѣ,
 Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ,
 Представь мнѣ щеголя, что тѣмъ вздымаетъ носъ,
 Что цѣлый мыслить вѣкъ о красотѣ волосъ,
 Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру,
 Чтобъ гдѣ-нибудь къ себѣ склонить такую-жъ дуру.
 Представь латынщика на диспутѣ его,
 Который не совретъ безъ *ergo* ничего;
 Представь мнѣ гордаго, раздута, какъ лягушку,
 Скупого, что готовъ въ удавку за полушку;
 Представь картежника... ¹⁾

Такимъ образомъ, русская комедія сознательно ступила на путь критики нравовъ, и этой своей конечной цѣли—„издѣвкой править нравъ, смѣшить и пользоваться“ она была неизмѣнно вѣрна. Она, эта цѣль, двигала перомъ Екатерины; ей служилъ Сумароковъ; во имя ея Фонвизинъ обличалъ тупость, пустоту, злонравіе провинціального „благороднаго“ общества, а Капнистъ изливалъ свою гражданскую скорбь по поводу приказныхъ крючкотворствъ. Даже т. н. трогательная комедія, или мѣщанская драма, не осталась ей чужда; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ представителей трогательной комедіи, Лукинъ, писалъ, что „принялся онъ за перо, слѣдуя единому только сердечному побужденію, которос заставляетъ его искать осмѣяніемъ пороковъ и своего собственнаго въ добродѣтели удовольствованія и пользы его согражданамъ“ ²⁾; не заблуждаясь на счетъ своего таланта, онъ, однако, „не отчаевается, чтобы его предпріятіе хотя нѣкоторыя не сдѣлало пользы и не исправило сердецъ, подвластныхъ порокамъ, имъ обличеннымъ“ ³⁾.

Критика же нравовъ вдохновляла и обличителя дворянской старой Москвы, Грибоѣдова, и бытописателя дореформенной ста-

¹⁾ Епистола о стихотворствѣ. Соч. 1787 г., ч. I, стр. 342—3.

²⁾ Сочиненія 1868 г., стр. 6.

³⁾ Ibid., 7.

рой провинціальной Руси, Гоголя, о чемъ свидѣлствуютъ какъ самые типы и положенія въ комедіяхъ Гоголя, такъ и собственное признаніе автора: „Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ,— не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей;—но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не воскликнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди?“ тогда какъ, по собственному сознанію его, бывають хуже люди... Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боятся даже тотъ, который уже ничего не боится на свѣтѣ“¹⁾. Смѣхъ и для Гоголя—бичъ, „котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти“²⁾; но звучитъ онъ у Гоголя иначе, чѣмъ звучалъ у его предшественниковъ. „Нѣтъ, несправедливы тѣ“, восклицаетъ онъ: „которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей, но, озаренное си-

¹⁾ Сочин. Н. В. Гоголя, изд. 15, т. IV, стр. 226—7.

²⁾ Ibid., т. IV, стр. 68.

лою смѣха, несть оно уже примиреніе въ душу“ ¹⁾. Смѣхъ Гоголя— „не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтъ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, *родившійся отъ любви къ человеку*“ ²⁾. Въ XVIII в. „любви къ человеку“ въ смѣхѣ не существовало; была, пожалуй, снисходительность, за которую, напри- мѣръ, ратовала Екатерина ³⁾, да бессознательные проблески неяснаго участія автора къ осмѣиваемымъ имъ лицамъ, какъ это замѣтилъ Достоевскій по поводу бригадирши ⁴⁾. Но надъ всѣмъ царилъ спа-

¹⁾ Сочиненія Гоголя, т. IV, стр. 226—7.

²⁾ Ibid., т. IV, стр. 68.

³⁾ См. полемику „Трутня“ и „Всякой всячины“.

⁴⁾ Этотъ человѣкъ (говорить про Фонвизина авторъ „Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“) по своему времени былъ большою либераль. Но хотъ и таскать онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней Потемкина, но только-что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что „разсудка французъ не имѣетъ“ да еще имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе... Почему именно не Софѣѣ, представительницѣ благороднаго и гуманнаго европейскаго развитія въ комедіи, вложить Фонвизинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ „Бригадирѣ“, а дурѣ бригадиршѣ, которую онъ до того ужъ поддѣлывалъ душой, да еще не простой, а ретроградной душой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя та говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой душой, даже дурной женщиной сдѣлалъ, а все таки какъ будто боялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобы такая фраза изъ устъ благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобы ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить; это чрезвычайно любопытно и интересно тѣмъ, что написано безъ всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софѣѣ:

....У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ по прозванію Гвоздиловъ; жена у него такая была изрядная молодка. Такъ,

сительная вѣра въ то, что людскіе пороки происходятъ отъ злой воли и недостатка разума, просвѣщенія. Неразуменъ, злонаправенъ, — слѣдовательно виноватъ и заслуживаетъ наказанія; смѣхъ — есть казнь, возмездіе, и чтобы это возмездіе сильнѣе дѣйствовало, злонаправные непременно должны видѣть крушеніе своихъ замысловъ и присутствовать при торжествѣ добродѣтели. А чтобы еще меньше было сомнѣній относительно пороковъ и добродѣтели, чтобы еще яснѣе было, за что публикѣ надлежитъ негодовать на злонаправныхъ и сочувствовать добродѣтельнымъ, въ пьесѣ выводился резонеръ, который все это обстоятельно разъяснялъ.

Отъ такой постановки вопроса далеко ушелъ Грибоѣдовъ, но кое-что сохранилъ и онъ. Злу противопоставлена добродѣтель: Фамусову съ единомышленниками — Чацкій ¹⁾; у Чацкого также мѣстами проглядываетъ резонерство ²⁾. Но добродѣтель здѣсь воплощена въ живое лицо, а резонерство скрашено чувствомъ неудержимой горечи, такъ и рвущейся наружу, и волненіемъ оскорбленной любви. Затѣмъ, торжества добродѣтели на первый взглядъ почти не видно: Чацкій сталъ жертвой сплетни и принужденъ бѣжать съ разби-

бывало, онъ разсерчается за что нибудь, а больше хмѣльной; такъ, вѣришь ли, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало, — въ чемъ душа останется, а не дай, не вынеси за што. Ну, мы, наше сторона дѣло, а ино поплачешься, на нее глядя“.

Софья. „Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмущаетъ челоѣчество“.

Бригадирша. „Вотъ, матушка, ты и слушать объ этомъ не хочешь, каково же было терпѣть капитаншѣ“. Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у Фонвизина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, 262—3.

¹⁾ Даже съ точки зрѣнія взгляда, ведущаго свое начало съ извѣстнаго замѣчанія А. С. Пушкина, Чацкій не можетъ быть отнесенъ къ типамъ отрицательнымъ.

²⁾ См. напр. Чернышева „Лишніе люди“... Спб. 1896 г., стр. 26.

тымъ сердцемъ и оскорбленнымъ чувствомъ. Чацкій бѣжитъ; однако, и противникамъ его не приходится торжествовать побѣду. Застоявшаяся вода всколыхнута; вся муть поднялась со дна, гдѣ она таилась подъ покровомъ наружной тиши да благодати, и ничѣмъ ужъ не прикрыть того нравственного убожества и растлѣнія, съ которыхъ сорвалъ маску Чацкій. Въ этомъ великая нравственная побѣда Чацкаго, въ этомъ торжество лучшихъ началъ нашей жизни! Впрочемъ, значеніе этого торжества нѣсколько умаляется тѣмъ, что личность Чацкаго всегда предъ нами какъ бы двойся: то—предъ нами смѣлый боецъ за свободу и просвѣщеніе, то—отвергнутый влюбленный, вымещающій Московскому обществу пренебреженіе Софьи.

Еще дальше пошелъ Гоголь. Отъ резонерства у него не осталось и слѣда, ибо резонерство городничаго, о которомъ упоминаетъ Гоголь,—совершенно иного рода, жизненное, а не такое, изъ-за котораго проглядываетъ самъ авторъ; добродѣтельныхъ героевъ вовсе нѣтъ; нѣтъ даже негодованія противъ пороковъ, которымъ, напримѣръ, такъ сильно *Горе отъ ума*. О торжествѣ добродѣтели въ смыслѣ русской комедіи XVIII в. и говорить нечего: въ *Игрокахъ* такое торжество, по крайней мѣрѣ, можетъ быть усмотрѣно въ наглядномъ подтвержденіи истины, что зло въ самомъ себѣ носить возмездіе; но едва-ли бѣгство Подколесина въ окно способно представлять побѣду высшихъ идеаловъ любви надъ профанаціей брака, а развязка *Ревизора* въ сущности оставляетъ большой просторъ предположеніямъ, вывернутся ли городничій и его сотоварищи изъ бѣды или попадутъ, наконецъ, въ яму, вырытую ихъ злонавіемъ. Очень можетъ быть, что и вывернутся, такъ какъ не даромъ же городничій тридцать лѣтъ прослужилъ на службѣ, „трехъ губернаторовъ обманулъ! Что губернаторовъ! Нечего и говорить про губернаторовъ!“ Въ такомъ случаѣ сходство между пьесами Гоголя и Грибоѣдова было бы еще замѣтнѣе, и пріѣздъ ревизора, подобно появленію Чацкаго, имѣлъ бы лишь значеніе того толчка, который разворотилъ му-

равейникъ и выказалъ его во всей наготѣ. Бѣгство Чацкого и безсиліе, или хотя бы только возможность безсилія закона предъ плотной стѣной порока, роднятъ *Горе отъ ума* съ *Ревизоромъ* также и тѣмъ, что накладываютъ на нихъ отпечатокъ уже не комедіи, а тяжелой драмы, и въ *Ревизорѣ* этотъ драматическій элементъ, пожалуй, еще сильнѣе—именно вслѣдствіе особаго отношенія автора къ своимъ героямъ, отличающагося какъ отъ разсудочнаго обличенія XVIII в., такъ и отъ страстной вспышки Грибоѣдова.

Городничій, напримѣръ, „грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ“¹⁾. „Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота!“²⁾ „Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватить за бороду, говорить: „Ахъ ты татаринъ!“ Ей Богу! Если бы то есть чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницъ его и дочекъ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало, ей-ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говорить: „Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ“. Ну, и несешь, а въ штукъ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ... Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянъ беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ ужъ по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говорить и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь... Ей-ей! А попробуй прекословить,

¹⁾ III, 191.

²⁾ III, 188.

наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велить запереть двери. „Я тебя“, говорить, „не буду“, говорить, „подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытаться: это“, говорить, „запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!“ ¹⁾ Однако, и у городничаго нашлись возраженія: „Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь“ ²⁾. Слѣдовательно, беря взятки, городничій до извѣстной степени бралъ ихъ за дѣло, какъ тогда понимали, и хотя это все же было въ ущербъ казнѣ и справедливости, но „сами извольте посудить“, оправдывается не безъ основанія городничій: „казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ“ ³⁾. „Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, и волтерьянцы напрасно противъ этого говорить“ ⁴⁾. — „Я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ ⁵⁾ такъ пишетъ городничему его другъ, и конечно, не онъ одинъ такъ думалъ въ то время.

Съ этой точки зрѣнія было бы несправедливо дѣлать городничаго отвѣтственнымъ за грѣхи всего общества его времени, и у Гоголя мы не видимъ ни враждебнаго отношенія къ городничему, ни односторонне сгущенныхъ красокъ въ изображеніи его, подобныхъ, напримѣръ, тѣмъ, какія наложилъ на своихъ судейскихъ Капнистъ. Городничій, кромѣ отрицательныхъ чертъ, надѣленъ и положительными: онъ грубовато-добродушенъ, не злопа-

¹⁾ III, 232—233.

²⁾ III, 245.

³⁾ III, стр. 200.

⁴⁾ III, 181—182.

⁵⁾ III, 179.

мятенъ (за свою жалобу купцы отдѣлались сравнительно дешево); хотя и мечтаетъ о генеральствѣ, но чуждъ заносчивости и для старыхъ знакомыхъ „готовъ съ своей стороны, готовъ стараться“¹⁾, чѣмъ вызываетъ даже неудовольствіе жены, для которой, къ слову, какъ и для дочери, онъ далеко не грозенъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ всѣмъ говоритъ открыто, что беретъ взятки, „но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло“²⁾. И онъ говоритъ съ такимъ убѣжденіемъ, что прежде чѣмъ рѣшить, иное это дѣло или не иное, невольно возникаетъ вопросъ, да откуда же взялось такое убѣжденіе? У Луки Лукича педагогическій составъ не въ порядкѣ; но что жъ онъ подѣлаетъ, если „таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ—или пьяница, или рожу такую состроить, что хотъ святыхъ выноси!“³⁾. Точно также можно ли требовать, чтобъ отъ засѣдателя не пахло такъ, „какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода“, если „въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою!“⁴⁾. Затѣмъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, „въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами“, а въ присутствіи „высушивается всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ“⁵⁾; но и замѣчанія по этому поводу городничаго, дѣлавшіяся болѣе для формы, и вялое согласіе Аммоса Ѳедоровича убрать все къ пріѣзду ревизора наводятъ только на мысль, что не ими такой порядокъ созданъ, и что сами они скорѣе рабы его, безсильные что-либо подѣлать съ вѣтшими въ жизнь привычками. Городничій и его товарищи не злы по природѣ: „Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно

¹⁾ III, стр. 250.

²⁾ III, 182.

³⁾ III, 183.

⁴⁾ III, 181.

⁵⁾ Ibid.

то, что говорить пословица: „не душой худъ, а просто плутъ“¹⁾. Они—заурядные провинціальныя средніе люди, которые жили и поступали, какъ тогда принято было въ ихъ обществахъ жить и поступать; ихъ міросозерцаніе, гдѣ хаотически смѣшивается добро со зломъ, нравственное съ безнравственнымъ, подчасъ принимаетъ характеръ такой наивной непосредственности, что не знаешь, негодовать на нихъ или дивиться имъ. Вспомните своеобразнаго любителя пріятнаго и полезнаго чтенія, почмейстера, который такъ неподражаемъ въ своей трогательной защитѣ распечатыванія чужихъ писемъ: „Это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь—такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ!“²⁾.—„Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это“, замѣчаетъ Аммосъ Ѳедоровичъ. „Ахъ, батюшки!“ восклицаетъ въ отвѣтъ почмейстеръ, и больше даже говорить не хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за преступленіе въ его невинномъ занятіи и можно ли его за это преслѣдовать!

Характеристика служебныхъ отношеній, представленная *Ревизоромъ*, дополняется соответствующими картинками частной жизни въ *Женитьбѣ* и въ *Игрокахъ*. Ихаревъ, человѣкъ не безъ средствъ, съ пренебреженіемъ бросаетъ хозяйство и въ погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ, берется за карты; карточный шулеръ мечтаетъ объ образованіи, съ помощью плутовства стремится „стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка“³⁾. Завѣдомый мошенникъ, запутавшійся въ собственныхъ же сѣтяхъ, вызываетъ къ правосудію, клеймитъ своихъ противниковъ мошенниками, обманывающими „довѣріе и честность добро-

¹⁾ Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи, т. IV, стр. 217.

²⁾ III, 184.

³⁾ IV, 157.

душныхъ людей“¹⁾, къ числу которыхъ, очевидно, причисляетъ себя. *Женитьба* названа авторомъ „совершенно невѣроятнымъ событіемъ“, и къ этому названію поразительной по своей пошлости картины сватовства отъ нечего дѣлать, кажется, ничто такъ не подходитъ, какъ Гоголевское же восклицаніе надъ Плюшкинымъ: „И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду?—Все похоже на правду, все можетъ стать съ человѣкомъ“²⁾, и не оттого, что человѣкъ по своей природѣ никуда негоденъ и наклоненъ ко злу; нѣтъ, ибо Гоголь вѣрилъ въ человѣка: иначе самый смѣхъ его потерялъ бы то высокое, облагораживающее значеніе, которое неоднократно подчеркивалъ Гоголь, и обратился бы въ простое глумленіе, а незлобное отношеніе къ героямъ, которыхъ онъ самъ же называетъ плутами и подлецами, носило бы характеръ безразличія въ вопросахъ чести, справедливости, добра или зла. Въ этомъ отношеніи характеристика одного изъ самыхъ печальныхъ типовъ Гоголя—Плюшкина весьма существенно дополняетъ то, что не такъ очевидно въ обрисовкѣ другихъ лицъ. Трудно себѣ представить что-нибудь отвратительнѣе Плюшкина, „а вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ... Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій глазъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ была виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ милостивыя дочки, обѣ бѣлокуроыя и свѣжія, какъ розы;

¹⁾ IV, 159.

²⁾ V, стр. 127.

выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманіе на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, ... на антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплата“¹⁾. Но вотъ, его постигаетъ рядъ утратъ и семейныхъ потрясеній, повлекшихъ за собою массу мелкихъ дразгъ и отразившихся на Плюшкинѣ развитіемъ безпокойства, подозрительности, скупости; одиночество и пустота въ домѣ, смѣнившія былое веселое оживленіе, доканали Плюшкина; и погибъ человѣкъ, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что „человѣческія чувства не были въ немъ глубокими“²⁾. Точно такъ же Гоголь глубоко правдиво отбѣняетъ личность Чичикова, рисуя то воспитаніе и ту обстановку, среди которыхъ вырабатывались подобные хищники и подъ вліяніемъ которыхъ „не разъ не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое“³⁾.

Такимъ образомъ, Гоголю ясно было видно все значеніе среды и условій окружающей жизни, на счетъ которыхъ онъ нисколько не заблуждался. „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа“, гдѣ счастье даже въ видѣ „низменной буколической жизни“⁴⁾ такъ непрочно и зависитъ „отъ самаго маловажнаго случая“⁵⁾, гдѣ люди, подобно Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, навсегда портятъ свою жизнь „за вздоръ“, за пустяки, гдѣ низменные

¹⁾ V, 116—117.

²⁾ V, 118.

³⁾ V, 244.

⁴⁾ Старосвѣтскіе помѣщики, II, 6.

⁵⁾ Ibid. II, 18.

инстинкты, невѣжество, пошлость властвуютъ повсюду и подавляютъ все, какъ это особенно ярко изображено въ *Мертвыхъ душахъ* и въ комедіяхъ. „Кто же онъ?“ съ горькой ироніей задается вопросомъ Гоголь по поводу Чичикова ¹⁾: „Стало быть, подлець? Почему жъ подлець? Зачѣмъ же быть такъ строго къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою фізіономію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели“. Приведенныя слова можно полностью примѣнить также къ героямъ *Ревизора* или *Игроковъ*.

Воспитаніе, среда, конечно, затрагивались писателями до Гоголя. Такъ, еще Фонвизинъ представилъ намъ яркій типъ недоросля, какъ продуктъ нелѣпаго, „злонравнаго“ воспитанія, а у Грибоѣдова за Фамусовыми въ большемъ или меньшемъ отдаленіи виднѣется вся старая Москва. Но для Фонвизина, какъ вообще для писателей XVIII в., условія, среди которыхъ живутъ и дѣйствуютъ выведенные ими герои, служатъ болѣе поводомъ къ общимъ разсужденіямъ въ духѣ господствующей морали и караются обличеніемъ, постоянно сбивающимся на сухое разсудочное резонерство, что отчасти сказывается также въ *Горѣ отъ ума* ²⁾. Затѣмъ, безпощадно развѣнчавъ старую Москву въ ея представителяхъ, Грибоѣдовъ, однако, не рѣшается еще видѣть жертвы, заслуживающія не одного лишь негодованія или презрѣнія, но и сожалѣнія. Его укоръ Софѣ, брошенный въ послѣднемъ дѣйствіи устами Чацкаго, не въ мѣру жестокъ и несправедливъ, такъ какъ въ увлеченіи Софьи Молчалинымъ было не мало искренняго чувства, вовсе не похожаго на желаніе завести пошлую интрижку, и не вина Софьи, если она ошиблась въ своемъ избранникѣ. *Горе отъ ума*—это вспышка возмущеннаго человѣка; смѣхъ Гоголя—тоже протестъ противъ лжи, пошлости, протестъ, далекій отъ того,

¹⁾ V, 243—4.

²⁾ Ср. что упомянуто выше о Чацкомъ.

чтобы мирволить пороку, но и полный сердечнаго участія къ жертвамъ этого порока, отчего еще рѣзче бросается въ глаза ужасное положеніе, когда нѣтъ злодѣевъ, подлецовъ, а жизнь такъ полна и злодѣйствъ, и подлости, и лжи!

Если же при всемъ томъ Гоголь не былъ такъ прямолинеенъ и безопаденъ, какъ, напримѣръ, многіе писатели шестидесятыхъ годовъ, и даже самъ умалялъ общественное значеніе своего *Ревизора*, то поступалъ такъ въ силу общаго склада своего міровоззрѣнія и особенно потому, что какъ ни больно ему было за порядки, при которыхъ человѣку съ „неглубокими человѣческими чувствами“ легко и образъ человѣческій потерять, но выше всего онъ ставилъ самое углубленіе человѣческаго духа, когда никакіе порядки ему не страшны. Вотъ почему и городъ въ *Ревизорѣ*, этотъ типичный провинціальныи захолустный городъ, какими полна была въ то время Русь, обращается у Гоголя въ „нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ“, а ревизоръ—это „наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во все глаза на самихъ себя... Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ“¹⁾. Углубляется, слѣдовательно, и смыслъ борьбы: борьба съ временными, преходящими недостатками, которые Гоголь обнажилъ съ такою силой и правдивостью, что вызвалъ цѣлую бурю негодованія, становится также однимъ изъ проявленій вѣчно повторяющейся борьбы добра и зла въ самой природѣ человѣка; а высокое символическое значеніе, которое Гоголь придалъ лучшей изъ своихъ комедій, опять сближаетъ эти послѣднія съ поэмой *Мертвыя души* и заставляетъ лишь жалѣть, что мы имѣемъ только отдѣльныя части одного общаго, величественнаго, но недоконченнаго зданія...

А. Лобода.

¹⁾ IV, 66—67.